Сюэ Мэнъяо изначально не верила, что Е Цзинжун действительно осмелится на такой шаг, чувствуя себя в относительной безопасности. Однако, когда она увидела, что перед ней положили подушку с иголками, её охватила настоящая паника.

Её прежний образ слабой и беззащитной девушки моментально развеялся, и Сюэ Мэнъяо начала отчаянно сопротивляться. Но, несмотря на всю её ярость, она была всего лишь женщиной, и как могла она противостоять нескольким крепким мужчинам, которые её удерживали?

— Е Цзинжун, не заходи слишком далеко! В конце концов, я — представительница семьи Сюэ! Если ты посмеешь тронуть меня, моя семья тебя не пощадит! К тому же, самовольное применение наказания — это преступление, и князь непременно привлечёт тебя к ответственности!

Из-за яростных попыток вырваться, причёска Сюэ Мэнъяо полностью растрепалась, и теперь она, с растрёпанными волосами, выглядела как настоящая сумасшедшая.

Однако, услышав это, Е Цзинжун лишь усмехнулся. Его улыбка была холодной, и, глядя на неё, Сюэ Мэнъяо почувствовала, как её сердце погружается в ледяную пучину.

— Да, хотя ты и незаконнорождённая дочь, но в тебе всё же течёт кровь господина Сюэ. Если я поступлю с тобой так, это действительно будет рискованно. Но сегодня давай откровенно поговорим. Ещё на праздничном банкете я предупреждал тебя: не нарывайся на неприятности. Но ты не послушалась. И теперь, хочешь ты того или нет, тебе придётся испытать на себе, что такое эта подушка с иголками.

Сделав небольшую паузу, Е Цзинжун продолжил:

— А что касается твоих угроз о том, что семья Сюэ будет мне мстить... Для меня это просто смешно. Я уверен, что мудрый господин Сюэ не станет из-за незаконнорождённой дочери противостоять княжеской резиденции. А если князь посчитает, что я поступил опрометчиво и решит наказать меня, я готов принять это. В худшем случае, мне придётся провести день в Храме предков, стоя на коленях. Но это небольшая цена за то, чтобы ты тоже постояла на коленях. Это более чем выгодная сделка!

Сказав это, Е Цзинжун больше не стал тратить времени на разговоры с Сюэ Мэнъяо. Как бы она ни кричала и ни ругалась, он больше не отвечал.

Поправив рукава, он спокойно прошёл мимо Сюэ Мэнъяо в резиденцию князя. Однако, прежде чем повернуться, он сделал жест, который означал, что Сюэ Мэнъяо за свои дерзкие действия заплатит сполна.

Сзади раздались пронзительные крики Сюэ Мэнъяо и Би Чи, сменяющие друг друга. Звуки были настолько пугающими, что заставляли содрогаться. Но Е Цзинжун даже не замедлил шаг, лишь слегка повернул голову и холодно приказал Сяо Ецзы и Е Хуа:

— Позже не забудьте убрать кровь у входа, чтобы князь, вернувшись, не увидел ничего неприятного.

Услышав это, Сяо Ецзы и Е Хуа поспешно согласились. Видя, как решительно действует их господин, Сяо Ецзы был слегка потрясён, но не более того. А вот Е Хуа уже покрылся холодным потом.

Он мысленно благодарил судьбу за то, что раньше не смел мечтать о князе. Иначе его судьба, вероятно, была бы не лучше, чем у этой госпожи Сюэ.

В отличие от жеманства Сюэ Мэнъяо, утончённость Е Цзинжун была подлинной. Каждое его движение, каждый жест отражали его истинную натуру и величие. Но каждый раз, когда дело касалось князя, Е Цзинжун словно превращался в другого человека.

Не зря князь иногда шутил, что Е Цзинжун похож на маленького дикого кота. Ведь его высокомерный вид действительно напоминал кота, защищающего своего хозяина.

Когда Мин Янь вернулся в резиденцию, кровь у входа уже была убрана. Но он, проведший много лет на поле боя, сразу почувствовал запах крови, который всё ещё витал в воздухе.

Нахмурившись, он вызвал стражников и, быстро расспросив их, узнал всю историю.

Однако реакция Мин Яня была совсем не такой, как предсказывала Сюэ Мэнъяо. Вместо того чтобы наказать Е Цзинжун, он щедро похвалил стражников, которые выполнили приказы Е Цзинжун, и наградил их. Это вызвало бурную радость у стражников, которые были рады, что не проявили слабость в критический момент.

После этого Мин Янь вернулся в резиденцию и не стал упоминать об этом инциденте, словно ничего не знал. Если Е Цзинжун не заговорит об этом, он тоже не станет поднимать тему, чтобы не испортить настроение.

Однако, когда они уже доели половину ужина, Е Цзинжун положил палочки и, немного подумав, тихо произнёс:

— Князь, сегодня госпожа Сюэ посетила резиденцию. Я заметил, что она выглядела бледной и дышала прерывисто. Кажется… она беременна.

Услышав это, Мин Янь резко нахмурился и отложил пирожное, которое уже собирался отправить в рот. Это заставило Е Цзинжун, который внимательно наблюдал за выражением лица князя, почувствовать, как его сердце сжалось, а во рту появилась горечь.

Неужели ребёнок в утробе Сюэ Мэнъяо…

Но следующие слова Мин Яня полностью сбили Е Цзинжун с толку.

— Цзинжун, тебе, видимо, совсем нечем заняться? Зачем тебе так внимательно её рассматривать? Беременна она или нет — это не забота супруги князя Чэна. Это проблема второго брата! Ты должен сосредоточить всё своё внимание на мне. А если ты всё ещё зол из-за сегодняшнего происшествия, можешь от имени резиденции отправить семье Сюэ небольшой подарок. Скажи, что поздравляем вторую дочь семьи Сюэ с рождением ребёнка. Тогда посмотрим, как семья Сюэ устроит настоящий переполох!

Первые две фразы были сказаны с долей досады, а последние две, наполненные сарказмом, прозвучали с явной насмешкой.

Е Цзинжун сначала удивился, но, осознав сказанное, не смог сдержать смеха.

— Князь, это же прямое подливание масла в огонь! Разве такие скандальные дела не стараются скрыть? Если вы отправите подарок от имени резиденции, это станет известно всем. И тогда вторую дочь семьи Сюэ будут осуждать за её спиной.

— И что с того? Я говорю правду, и поступаю честно. К тому же, если она совершила такой низкий поступок, она должна быть готова к тому, что её разоблачат. И потом, разве я не делаю это, чтобы выместить твой гнев? Почему ты теперь меня упрекаешь?

Голос Мин Яня звучал с оттенком обиды. Он прекрасно знал, что Е Цзинжун не хотел его упрекать, и сказал это лишь потому, что его старая привычка капризничать снова дала о себе знать.

Ха, эти слова явно были попыткой выпросить награду. Е Цзинжун, подражая легкомысленной манере Мин Яня, приподнял бровь. Но его обычно спокойное лицо выглядело довольно странно с таким выражением.

Однако Е Цзинжун этого не заметил. Он взял палочки, положил в тарелку Мин Яня сладкий пирожок, который тот не любил, и с сарказмом произнёс:

— Да? В таком случае, я благодарю князя за заботу.

Услышав это и взглянув на сладкий пирожок, который мог довести до зубной боли, Мин Янь с недовольным видом попытался его проигнорировать. Но под пристальным взглядом Е Цзинжун он с трудом поднял его палочками, отправил в рот и, не прожевав, проглотил.

Фу, это было слишком сладко. Сдерживая отвращение от сладости, Мин Янь с упрёком посмотрел на Е Цзинжун. Эх, его добрая жена, похоже, стала немного злой?

После этого происшествия Е Цзинжун почувствовал облегчение. Но, как говорится, беда не приходит одна. Едва они с Мин Янем закончили ужин, как слуга поспешил сообщить, что у ворот резиденции был замечен подозрительный старик, которого схватили и связали, и теперь ждут приказа князя.

Услышав это, Мин Янь нахмурился, положил пирожное, которое держал в руках, на тарелку Е Цзинжун, а затем приказал привести пойманного.

Вот уж не думал, что он, Святой врачеватель, когда-нибудь окажется в такой ситуации! В свои годы, с больными ногами, его толкали и тащили. Если бы он не хотел устраивать скандал, то, повернувшись, рассыпал бы порошок, и эти негодяи начали бы корчиться в судорогах!

Е Цзинжун тоже отложил палочки и собирался посмотреть, кто же осмелился устроить беспорядок у ворот резиденции князя Чэна. Но, взглянув, он вскочил на ноги и в изумлении воскликнул:

— Старший мастер?!

«Старший мастер? Откуда он взялся? Он никогда не знал, что у Цзинжуна есть незнакомый старший мастер!»

http://bllate.org/book/16632/1523721